

Чэн Чэн остолбенел, глядя, как Сунь Кайюань выходит из комнаты, где ночевали три девушки. Худощавый мужчина был небрежно одет: брюки натянуты кое-как, ширинка расстегнута, ремень не застегнут.

Фан Мэй до сих пор не вышла из комнаты...

Сунь Кайюань заметил взгляд Чэн Чэна и усмехнулся.

— Что такое? — спросил он.

Чэн Чэн смущенно ответил:

— Пора завтракать, староста только что приходил звать.

Сунь Кайюань издал неопределенный смешок, пару раз кашлянул и сплюнул на землю:

— Хорошо, понял.

В доме старосты они застали только его самого и его сына Чжоу Дафа.

Лицо Чжоу Дафа было пепельно-серым, изборожденным следами многолетнего тяжелого труда; он был без рубашки, и сквозь кожу проступали костлявые плечи.

Фан Мэй села рядом с Чжоу Дафа и мягко спросила:

— А где твоя мама? Она не придет завтракать?

Чжоу Дафа улыбнулся, и его лицо превратилось в сплошную сеть морщин:

— Умерла.

Фан Мэй немного помедлила, прежде чем спросить:

— У вас дома больше никого не осталось?

Староста и Чжоу Дафа одновременно посмотрели на нее и в один голос ответили:

— Еще У Цуй, остальные все умерли.

— Садитесь завтракать, — староста, двигаясь скованно, точно марионетка, поставил перед игроками еду.

В отличие от пресной и безвкусной еды в доме Ван Эрпина, завтрак у старосты представлял собой огромный котел мясного бульона, на поверхности которого плавали жирные, белесые куски мяса.

Староста помешал варево длинным половником, и из мяса начала сочиться кровь, окрашивая бульон в темный цвет. Он с явным наслаждением принялся к запаху и издал протяжный вздох.

— Каждому по миске, ешьте с лепешками.

Едва он закончил говорить, как Чжоу Дафа бросился вперед. Его потухшие глаза превратились в зрачки бешеного петуха, впившегося в котел:

— Мясо! Мясо!

Староста погладил его по голове:

— Я долго хранил его, берег, так что ешьте всё до последней капли.

Когда миски наполнились, Чэн Чэн заметил, что мясо в них разное: где-то проваренное, где-то сырое, с прожилками крови, а где-то — почерневшее, гнилое, с копошащимися личинками.

— Уэ-э... — Чэн Чэн не сдержался.

— Уэ-э... — остальные игроки один за другим начали блевать.

Староста проигнорировал их, словно ничего не замечал:

— В нашей деревне больше всего не любят выбрасывать еду. Я могу рассердиться.

Чжоу Дафа одарил их жуткой, предвкушающей улыбкой.

Все прекрасно понимали, на что он намекает.

Сунь Кайюань глазами подал знак Чэн Чэну, но тот лишь отчаянно качал головой, отказываясь.

То, что его тупой подопечный и расходный материал не слушается, разозлило Сунь Кайюаня. На лице его застыла холодная усмешка. Новичков, которые не знают своего места, нужно учить.

— Чэн Чэн, разве ты не больше всех любил мясо? Почему не ешь? — Фан Мэй, недобро улыбаясь, небрежно поправляла свои кудри.

— И правда, Чэн Чэн, чего же ты не ешь? Вчера еще жаловался, что от голода уснуть не можешь.

— Ешь побольше, я свою порцию тебе отдам.

Чэн Чэна мутило, он был в панике:

— Я... я не буду.

Сунь Кайюань кивнул Чжао Сюаню напротив и ледяным тоном скомандовал:

— Помогите ему проглотить это.

Чжао Сюань позвал Бай Хао, Фан Мэй тоже поднялась, чтобы помочь им прижать Чэн Чэна.

Поняв, что дело плохо, Чэн Чэн попытался вырваться, но его схватили. Он крепко сжал челюсти, отказываясь открывать рот.

— Слушайся! — рявкнул раздраженный Чжао Сюань и ударил его кулаком по лицу, пока Бай Хао держал его голову.

Чэн Чэн не выдержал и открыл рот — из него вырвалась смесь крови и выбитых зубов.

— Помо... — не успел он договорить, как в горло ему влили зловонный бульон.

Наблюдая за этой жестокой сценой, две другие девушки из команды, не в силах смотреть, тихо удалились.

Сунь Кайюань с довольной улыбкой наблюдал за происходящим:

— В команде восемь человек, кто-то всегда должен жертвовать собой, верно? Чэн Чэн, потерпи немного, это не страшно. Брат выведет тебя из этой игры живым. Не вини меня.

Бульон продолжал литься в горло, Чэн Чэна раздирали приступы рвоты и кашля, в глазах читались отчаяние и ненависть. Но стоило ему вспомнить, что Сунь Кайюань — его единственный шанс выжить, как он перестал сопротивляться.

Чжао Сюань, Бай Хао и Фан Мэй торжествующе улыбались.

— Накормили его? Теперь общите дом и всю деревню, общайтесь с неигровыми персонажами.

Му Минъи легко поддел ножом оконную раму дома Ван Дапина, и она поддалась. Прищурившись, он бросил Вань Гуаю:

— Стой на стреме, — и, перемахнув через подоконник, исчез внутри.

Слишком уж профессионально он это проделал — Вань Гуай застыл в изумлении.

Он ждал, томился, разглядывал муравьев на земле, как вдруг услышал легкие шаги.

— Уходим, — Му Минъи ловко выпрыгнул наружу и, не останавливаясь, схватил Вань Гуая за руку и потащил за собой.

Ладонь у него была скользкой, и Му Минъи, боясь, что тот выскользнет, сжал руку еще крепче.

Вань Гуай никогда еще не бегал так быстро, ему казалось, что он вот-вот взлетит.

— А! Постой... — он чуть не улетел в кювет.

Когда Вань Гуай едва не растянулся на земле, Му Минъи подхватил его под мышку и побежал дальше. Ноги Вань Гуая молотили воздух, он задыхался, чувствуя, что больше не контролирует свое тело.

— Ты... ты... — помедленнее!

Наконец они остановились. Вань Гуай, по инерции продолжавший бежать, дернулся назад, словно кукла на веревочке.

От Му Минъи повеяло тонким ароматом. Он незаметно придвинулся ближе.

Такой приятный запах? Быть материальным объектом — всё-таки сплошное неудобство.

Вань Гуай долго ловил ртом воздух, а потом от бессилия сел прямо на землю.

— Ты... ты не человек. Люди не могут бегать так быстро.

От каждого слова у него першило в горле.

Му Минъи откровенно признался:

— Награда из лотереи. Мои физические показатели были улучшены.

— А? — Вань Гуай был ошарашен. Почему игроки могут участвовать в лотереях, получать артефакты и улучшать характеристики? Он столько лет был призраком, но никогда не видел такого отношения... Он обязательно доложит Главной системе о махинациях с игроками!

Проклятье!

— Что-то случилось?

— Сразился с Ван Эрпином, — небрежно ответил Му Минъи.

Вань Гуай вытаращил глаза:

— Он силен? Ты справился?

— Средне. Справился, но до конца не довел.

Подумаешь, хвастун. Если справился, почему не довел? Не захотел?

— Что теперь? Скоро обед? Давай вернемся и поедим.

— Не ешь еду в подземелье. Если нет другого выхода — съешь, а потом вызови рвоту.

Но Вань Гуаю так хотелось есть.

Му Минъи, прекрасно понимая его состояние, достал из пространственного артефакта пачку вяленой говядины и протянул ему:

— Ешь. Я же обещал угостить тебя мясом.

Вань Гуай посмотрел на говядину, затем украдкой покосился на мощные руки Му Минъи.

— Ладно, попробую.

Это был первый раз, когда он ел мясо.

— Хм.

Увидев, как у этого озорного ребенка бегают глаза, явно замышляя что-то недоброе, Му Минъи усмехнулся и протянул ему бутылку минеральной воды.

Вань Гуай удивился:

— Откуда ты ее достал? Где ты ее прятал?

— Пространственный артефакт, выиграл в лотерее, — Му Минъи не стал говорить, что это предмет уровня SSS, который стоит пять миллионов очков.

— Значит, туда можно складывать вещи... но объем ограничен?

Му Минъи приподнял бровь:

— Ты в курсе? Это как невидимый рюкзак, который не занимает места.

Вань Гуай нервно хихикнул:

— Догадался.

На самом деле у него самого были два огромных хранилища, которые предоставила Главная система, но он использовал их для одежды и прочего барахла. Раз уж у него есть связи, почему бы не пользоваться привилегиями? Но раз у Му Минъи тоже есть такая штука...

— Если я скажу... что у меня тоже есть, — Вань Гуай подбирал слова, — согласишься?

— Ты ведь в первый раз в подземелье?

Вань Гуай: «...» И то верно.

Он не унимался:

— Мне его подарили, правда, у меня есть свое.

— Есть так есть, не бери в голову.

Му Минъи не собирался допытываться или разоблачать его маленькие секреты — пока это не мешало прохождению, его не интересовали чужие дела. А вдруг он и правда притворяется слабым, чтобы заставить врага врасплох?

Вань Гуай жевал говядину, но без острых зубов ему было трудно. Он откусывал по чуть-чуть, медленно перетирая мясо. Вспомнив, что Му Минъи сам ничего не ел, он отложил оставшуюся палочку и вернул ее ему.

— Я больше не хочу, я наелся.

Призраки могут не есть, если обладают достаточной силой воли. С тех пор как Вань Гуай обрел сознание, Главная система строго запрещала ему есть людей. В подземельях были только призраки, и он, будучи Великим призраком, все эти годы лишь изредка лакомился лесными ягодами.

Говядина была острой, язык горел. Вань Гуай сделал глоток воды, но жжение не проходило. Он обиженно пробормотал:

— Остро...

Его губы покраснели, словно кровь, и блестели от воды, выглядя очень нежными.

Му Минъи с улыбкой забрал воду и выпил остатки залпом, так что капли потекли по подбородку к ключицам. Он усмехнулся с оттенком нежности:

— Ну точно ребенок. Остро — так скажи. А ты лишь капризничаешь. Неужели больше не будешь? Потом опять будешь смотреть на еду слюнками.

Вань Гуай:

— Не буду, я наелся.

Мясо и правда было очень вкусным, просто объедение. Му Минъи кивнул и принялся жевать говядину.

— Мы не пойдем на обед? Ничего не случится?

— Не пойдем. Все нормально, я же здесь.

Вань Гуай нахмурился, подумав: не хвастается ли он?

Наевшись, Му Минъи прислонился к стене, жуя травинку. Его холодные миндалевидные глаза посмотрели на Вань Гуая:

— Стой на стреме, я подремлю.

— Ох.

Вань Гуай был недоволен — он что, правда стал у него на побегушках?

— Иди сюда, поближе ко мне.

— Ох. Ну ты и наглец.

Вань Гуай захлопал своими красивыми глазами и, сев рядом с Му Минъи, погрузился в свои мысли. Эх, кто бы мог подумать, что он докатится до такой жизни.

Му Минъи заметил его обиженное выражение лица и слегка улыбнулся.

<http://bllate.org/book/20633/2063619>